

Сегодня на столе преобладали овощи и фрукты, а мясные блюда подавались сырыми. Сначала появился повар-виртуоз, который с невероятной ловкостью нарезал говядину и рыбу на тончайшие ломтики, разложив их по блюдам. Нежно-розовая говядина красовалась на хрустальной тарелке, а прозрачно-белая рыба — на коралловой посуде. Рядом с мясом стояли четыре маленькие фарфоровые чашечки с приправами: горчицей, перцем, имбирным уксусом и апельсиновой пастой. Каждая приправа была подобрана под цвет посуды, и вся композиция больше напоминала изысканные украшения, нежели еду.

Помимо мяса, подали крабов. Их приготовление уже достигло совершенства, как и в моей прошлой жизни, с особым вниманием к икре и желтку. Крабы были из разных регионов, а сегодняшние — особо крупные экземпляры, специально выдержанные во дворцовых прудах полмесяца. Каждому гостю подали по три штуки: одного — для сырого употребления с апельсиновой пастой и имбирным уксусом, а также с новым соусом из цветов османтуса; второго — очищенного, фаршированного приправами и приготовленного на пару; третьего — обжаренного в кляре, где икра и мясо были смешаны вместе, — так называемый «крабовый пирог».

После того как повар завершил свою работу, музыканты из Цзяофан заиграли. Двое исполнителей вышли вперёд, чтобы показать трюки с огнём и мечами. Они ловко манипулировали пламенем, которое то разгоралось, то угасало, переливаясь красным и синим, — зрелище было поистине завораживающим. Затем появился мастер верёвочных трюков. Длинная верёвка в его руках будто оживала: то извивалась, словно змея, подползая к самому краю стола, то рассыпалась в воздухе, подобно лепесткам цветов, а то и вовсе замирала в воздухе, превращаясь в натянутую струну. Артист взбирался по ней вверх и спускался вниз, обвиваясь вокруг верёвки и выделывая забавные трюки, от которых мы не могли оторвать глаз.

Изначально я приказала подавать только фруктовые напитки, но в разгар пира А-Хуань с улыбкой заметила:

— Без вина пир теряет свою прелесть. Давайте всё же подадим его.

Цуй Мин-дэ не выразила ни согласия, ни несогласия, однако Дугу Шао тут же возразила:

— Вы пейте, а я сегодня на службе, мне нельзя.

А-Хуань рассмеялась:

— Это же всего лишь лёгкое фруктовое вино, пара бокалов не повредит. Взгляни на стражу Цзинью — они и в полдень позволяют себе выпить, и ничего.

Дугу Шао ответила со всей серьёзностью:

— Помнишь, как Сунь У казнил любимую наложницу князя У, а в Лагере Тонких Ив даже императорский указ не был принят? Военные законы нельзя нарушать ни на мгновение. Прошу прощения, Четвёртая госпожа.

Я знала, что Дугу Шао чрезвычайно серьёзно относится к своей должности уполномоченного по цуцзюй. При всём её весёлом нраве в служебных делах она никогда не позволяла себе расслабиться. Чтобы разрядить обстановку, я уже собиралась вмешаться, но А-Хуань, словно не замечая напряжения, подняла бокал и, медленно вращая его, произнесла:

— Значит, Шестнадцатая госпожа действительно считает Всадниц Мулан настоящими войсками?

Дугу Шао ответила с лёгким раздражением:

— Раз уж Императрица назвала их Всадницами Мулан, назначила командиров и выделила ресурсы, то, конечно же, они должны быть достойны этого звания — не уступать мужчинам ни в дисциплине, ни в боевом духе.

А-Хуань усмехнулась:

— Правда? А я-то думала, что тренировки Всадниц Мулан сводятся лишь к церемониальным построениям и игре в цуцзюй. Ведь я не раз видела, как Шестнадцатая госпожа проводит учения, и они выглядят как простые марши и перестроения, без всяких боевых упражнений.

Дугу Шао покраснела и, защищаясь, сказала:

— Построения — основа военной дисциплины. Всё начинается с малого, нельзя сразу достичь совершенства.

А-Хуань улыбнулась:

— Понятно.

Она подняла бокал в знак уважения к Дугу Шао, но в её глазах читалась насмешка. Та, раздражённая, но сдержанная из-за положения А-Хуань, молча принялась пить чай. Цуй Мин-дэ, взглянув на неё, повернулась ко мне:

— Если нельзя пить, может, сыграем во что-нибудь?

Я сразу же предложила:

— Можно в тоуху.

Цуй Мин-дэ улыбнулась:

— Осень уже на исходе, и я чувствую усталость. Давайте выберем что-нибудь поспокойнее — например, «Чансин» или кости.

Она посмотрела на А-Хуань:

— Места здесь немного, не стоит оставлять столько слуг. Пусть лишь один или двое останутся у дверей. Как ты думаешь?

А-Хуань согласилась:

— Я тоже считаю, что людей слишком много. Давайте уберём столы, придвинем кровати и усядемся все вчетвером. Будем беседовать и играть, а если устанем — полюбуемся цветами у окна.

Убедившись, что никто не возражает, она распорядилась перенести кровати и поставить между ними игровую доску. Мы разместились по двое с каждой стороны, а слуги Цуй Второй и А-Хуань — Сюну и Цици — остались у лестницы.

Когда слуг отослали подальше, Цуй Мин-дэ взглянула на А-Хуань:

— Не знаю, зачем ты специально затронула тему дисциплины Всадниц Мулан. Ты заметила

что-то неподобающее в их рядах, или у тебя были иные причины?

Едва она закончила, Дугу Шао вновь устремила взгляд на А-Хуань. Та улыбнулась:

— Всадниц Мулан лично отбирала Императрица, а Шестнадцатая госпожа славится строгостью в управлении. Нарушений в их рядах я не заметила.

Не дав Дугу Шао расслабиться, она добавила:

— Однако это касается лишь церемониальных обязанностей. Будь они настоящими войсками, которые тренируются с утра до вечера, не все выдержали бы такую нагрузку. Тем более условия службы для дворцовых слуг куда лучше армейских, да и связи у них сложные. Если тренировки не зададутся, их всегда можно вернуть на прежние должности, где они будут вольны поступать как пожелают. Да и должность уполномоченного по цуцзюй — всего лишь временное назначение. Вряд ли Шестнадцатая госпожа сможет добиться здесь полного подчинения.

Дугу Шао молчала. Цуй Мин-дэ, с блеском в глазах, уставилась на А-Хуань:

— Но даже в страже Цзинью и сотне всадников не всегда царит строгая дисциплина и круглосуточные тренировки.

А-Хуань усмехнулась:

— Если амбиции Шестнадцатой госпожи ограничиваются лишь церемониальными обязанностями, то пусть будет так. Но мне кажется, её цели куда шире.

Цуй Мин-дэ спокойно возразила:

— Служить Императрице и выполнять церемониальные обязанности — мечта любого воина. Дугу Шао, будучи женщиной, уже достигла многого. Какие ещё амбиции у неё могут быть? Ты, вероятно, ошибаешься.

А-Хуань с улыбкой согласилась:

— Тогда, возможно, я и впрямь ошибаюсь.

Она сделала ход, но тут Дугу Шао подняла голову, посмотрела на неё, затем на меня и твёрдо произнесла:

— Ты права. Мои амбиции действительно не ограничиваются этим.

Цуй Мин-дэ с лёгким упрёком произнесла:

— А-Шао...

Дугу Шао взглянула на неё, и та вздохнула, тихо добавив:

— Не забывай, что твоя семья надеется, что ты продолжишь род.

Дугу Шао пробормотала:

— Я ведь не отказываюсь выходить замуж...

Но под взглядом Цуй Мин-дэ она неохотно умолкла, опустив голову.

А-Хуань под столом коснулась моей руки. Я поняла её намёк, взглянула на Дугу Шао и Цуй Мин-дэ и тихо спросила:

— Для Второй госпожи семья действительно так важна?

А-Хуань снова коснулась моей руки. Я сжала её ладонь в знак утешения, продолжая наблюдать за реакцией собеседниц. Обе выглядели ошеломлёнными, словно я страдала не сердечным недугом, а настоящим безумием.

Цуй Мин-дэ быстро пришла в себя и, приподняв бровь, спросила:

— Ты считаешь, что семья не важна?

Я улыбнулась, избегая прямого ответа:

— Род, существующий тысячелетиями, безусловно, имеет свою ценность. Родственники, выросшие вместе, связаны глубокими чувствами — и это прекрасно. Но семья — это всё же семья. Все в роду — лишь родственники, чужие люди. Своя семья — это действительно свои. Если бы род был так важен, почему люди стремятся передать богатства и титулы своим сыновьям, а не племянникам? Если бы семья была неразделима, почему в знатных домах так часто вспыхивают раздоры и через несколько десятилетий они дробятся на отдельные ветви?

Мои слова вызвали ещё большее замешательство. А-Хуань, видя, что я зашла так далеко, сжала мою руку и холодно добавила:

— Если следовать законам рода, князь Дугу должен был бы выбрать наследника из числа родственников. Но он предпочёл выдать дочь замуж, чтобы та продолжила род. Видимо, для него его дочери всё же важнее традиций и клановых устоев.

Дугу Шао задумалась, а Цуй Мин-дэ выпрямилась и сказала:

— Мне нужно вернуться и продолжить переписывать сутры. Благодарю Принцессу за помощь в назначении моих братьев. Если в будущем понадобится моя помощь, просто передайте весть — сделаю всё, что в моих силах.

<http://bllate.org/book/16278/1467047>